И. Е. Бондаренко

Архитектор Матвей Федорович КАЗАКОВ

1738–1813

Издательство
Всесоюзной Академии Архитектуры
Москва — 1938 г.

И. Е. Бондаренко

Архитектор Матвей Федорович КАЗАКОВ

1738-1813

Издательство
Всесоюзной Академии Архитектуры
Москва · 1938 г.

Художник Н. М. Лобанов

Рисунок на обложке

работы арх. Г. А. Захарова

Матвѣй Ѳедоровичъ
Казаковъ,
Архитекторъ, Коллежскій Совѣтникъ.

Репродукция с гравюры А. Афанасьева.
Из собрания портретов, изданных Пл. Бекетовым

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ноябре 1938 г. наша страна отмечает 200-летие со дня рождения великого русского зодчего Матвея Федоровича Казакова.

В истории русской архитектуры творчество Матвея Федоровича Казакова занимает одну из самых блестящих страниц. Вместе со своим великим сверстником, В. И. Баженовым, Казаков был зачинателем и выдающимся деятелем того большого движения, которым отмечено развитие русского зодчества во второй половине XVIII века.

В лице Казакова русский народ выдвинул разностороннего и исключительно одаренного мастера, благодаря которому это новое направление архитектурной мысли быстро обрело уверенность в своих силах и в своем творческом пути, быстро достигло зрелости стиля. Именно Казаков, этот неутомимый практик-строитель по призванию, придал архитектурному классицизму в России жизненность и силу конкретного творческого метода, практически применяя его к самым разнообразным строительным задачам, к самым различным архитектурным темам своего времени.

В творческой биографии Матвея Казакова обращает на себя внимание прежде всего это необыкновенное многообразие практической деятельности мастера. Он работает в Москве и в провинции, где его основными заказчиками являлись богатые помещики или отставные вельможи. Он почти не соприкасается с архитектурной жизнью Петербурга, оставаясь в стороне от громадной строительной деятельности, которая была сосредоточена в быстро растущей и обстраивающейся столице. И тем не менее, на этом ограниченном материале Казаков развертывает такое множество архитектурных мотивов, приемов, решений, что его творчество становится как бы энциклопедией русского зодчества XVIII века.

Он создает великолепный образец монументального правительственного здания — Московский сенат, ныне здание правительства, с величай-

шим тактом и мастерством вписанное в ансамбль Кремля; он разрабатывает тему торжественного зала и дает два совершенно различных, но подлинно классических решения этой темы — в купольном (ныне Свердловском) зале «Сената» и в Колонном зале «долгоруковского дома» — ныне Дома союзов; он строит в Москве несколько дворцов, представляющих собою законченные ансамбли «городской усадьбы», в том числе подлинный шедевр этого типа — дом бывший Разумовского на Гороховом поле (ныне Институт физической культуры имени Сталина).

За пределами города, в подмосковных имениях, Казаков создает не менее замечательный образец загородного усадебного ансамбля — Петровское-Алабино; отходя от усадебной темы, он с таким же блеском и огромным архитектурным тактом и вкусом проектирует и осуществляет многочисленные городские сооружения — «Голицынскую» больницу и целый ряд частных домов в различных кварталах Москвы. В творческом наследстве Казакова находит себе место и работа над городской планировкой: центральный ансамбль Твери (ныне г. Калинин) — площадь — несет на себе печать казаковского мастерства, казаковского понимания проблемы ансамбля. В беглом перечне невозможно назвать даже одни только выдающиеся произведения Казакова. Полный список работ этого зодчего, не знавшего усталости в своей строительной деятельности, занимает много десятков страниц. Казаков всей своей жизнью и деятельностью дал поучительнейший пример архитектурного творчества, нераздельно связанного со стройкой, с практикой строительных лесов, со строительным производством. Великий художник, он был первоклассным техником, вооруженным передовыми техническими достижениями своего времени: это он блестяще показал, например, при возведении купола в зале «Московского сената».

Учившийся в России, никогда не бывший за границей, Казаков был мастером европейского масштаба, по своим знаниям и мастерству ничем не уступавшим своим современникам — французским и итальянским архитекторам, а по широте своего творческого диапазона — превосходившим многих даже самых прославленных представителей западно-европейской архитектуры XVIII века. В лучших произведениях Казакова русский классицизм выступает перед нами как глубоко самостоятельный архитектурный стиль, как явление русской национальной художественной культуры, входящей полноводным и мощным потоком в общее русло мирового зодчества. Наконец, Казаков играет виднейшую роль как учитель и воспитатель целого поколения русских архитекторов, как один из первых деятелей и ревнителей русской архитектурной школы, как архитектор-педагог, один из пионеров архитектурного образования в России.

В свете великих творческих задач, которые эпоха социализма, сталинская эпоха, ставит перед советской архитектурой, по-новому оцениваются достижения замечательных русских зодчих прошлого. Советская архитектура стремится почерпнуть в них и творчески переработать уроки мастерства, мудрого понимания законов классического зодчества, уменья применять эти законы в соответствии с требованиями жизни. В гигантской созидательной работе на стройке социалистического города советская архитектура творчески воспринимает все лучшее, что было создано великими зодчими прошлого, все лучшее, что создали в области архитектуры народы нашей великой страны. В этом творческом наследстве видное место занимают произведения Матвея Казакова, замечательного русского зодчего XVIII века, сумевшего в условиях крепостнической эпохи создать архитектурные ценности непреходящего значения.

Творческими усилиями великого русского народа воздвигнуты высокохудожественные произведения русской архитектуры, разработанные талантливейшими сынами его в борьбе с некультурностью и деспотизмом господствующего класса купцов и помещиков, в условиях экономической и технической отсталости России того времени. Эти произведения — величайшие памятники истории, которыми мы должны гордиться и изучать, как гордимся великими русскими писателями, художниками, музыкантами, философами и изучаем их произведения.

Матвей Федорович Казаков — один из величайших мастеров русской архитектуры XVIII века — воплотил гениальность своих идей в архитектурных памятниках, которые высоко ценит и любит наш советский народ.

200-летие со дня рождения Матвея Федоровича Казакова архитекторы нашей страны отмечают как патриоты, борющиеся за создание социалистического стиля советской архитектуры.

Юбилейная комиссия

ТРИДЦАТЫЕ годы восемнадцатого века... Земляной откос берега Москва-реки, по берегу тянутся бревенчатые постройки деревянных складов «Старого Комиссариата». Огромный двор, выходящий другой стороной в Садовники, два низких каменных амбара и в углу двора три небольших домишки для низших служащих и сторожей. В одном из этих домишек, в семье бедного служителя, «подканцеляриста» (подьячего) Федора Казакова, 28 октября (?) 1738 г. родился сын Матвей[1].

Бедное детство. Замкнутый мир затхлого учреждения по обмундированию армии; возы с одеждой, какие-то тюки, кожи, мешки. Двор для игр огромен, еще больше простора в тихих глухих уличках Садовников и всего прилегающего Замоскворечья. Скудная первоначальная грамота у дьячка соседней Космодемьянской церкви.

Рано обнаружилась у мальчика страсть к рисованию, и уже с самых юных лет его тянуло туда, где шел гул постройки. Перед его глазами во дворе строились большие каменные склады и дом для конторы. При-

[1] Биографические данные о Казакове крайне ограничены, даты сбивчивы и противоречивы. В изданном в 1913 г. нашем труде «Архитектор М. Ф. Казаков» мы условно приняли дату рождения (1733 г.), основываясь на данных Русского биографического словаря. Последние наши розыскания дали возможность установить точные даты (1738—1813 гг.)

ходили каменщики, плотники, столяры, потом кровельщики и маляры... Из «города» наезжали чиновники в зеленых мундирах. Мальчик наблюдал, как один из таких чиновников распоряжался рабочими, как разворачивал лист бумаги с чертежами, как десятский отмерял саженкой землю, ставил вешки, натягивал причальную бичеву, как рыли котлованы и бутили фундаменты, как из-под рук каменщиков вырастали кирпичные стены. Весь процесс строительных работ проходил перед пытливым глазом мальчика. Любил он также бродить по Москве, наблюдать пеструю картину большого города.

Через низкий деревянный наплавной Москворецкий мост путь шел мимо Кремля на Красную площадь. Много еще было следов недавнего пожара, испепелившего полгорода. Расчищали погорелые места, разламывали торчавшие посреди улиц кузницы и колодцы, расширяли проезды улиц, выравнивали колдобины мостовых. Даже в Кремле еще валялись груды мусора, щебня, погорелых головней, сваленного под откос навоза. Ручьями стекала грязь на топкие берега Москва-реки. У кремлевских церквей и дворцовых палат кое-где торчали леса; на Красной площади вокруг Лобного места — навесы мелочных лавочек; вдоль стены кремлевской — полуразобранные деревянные часовни, домишки; на Ильинке и Варварке — лабазы и домишки торгового люда и ремесленников. Никольская выглядела почище, попросторнее: красивое здание Печатного двора, здание Заиконоспасского монастыря, каменные дома в два и три этажа. Каменный широкий мост у Воскресенских ворот через р. Неглинку вел на Тверскую и Дмитровку — главные улицы.

Во главе Комиссариата был тогда М. М. Измайлов, часто наезжавший в Садовники. Он обратил внимание на мальчика, ходившего по лесам строек и постоянно что-то рисовавшего. Измайлов принял участие в даровитом юноше, оставшемся сиротой, и пристроил его к любимому им делу.

Юного Казакова удалось поместить в недавно открытую архитекторскую школу Дм. Ухтомского. Эта школа находилась в ведении Сената, составляя его особую «экспедицию». В 1751 г. пришел указ из Сенатской конторы Ухтомскому: «по доношению Вашему, коим просили об определении в команду вашу к письменному исправлению и к обучению архитектуре Главного Комиссариата умершего подканцеляриста Федора Казакова сына Матвея, который еще к делам никуда не определен, определить с награждением жалованья против младших архитектуры учеников по рублю в месяц...»

Архитектор Дм. Ухтомский (1719—1761) сыграл большую роль в развитии русской архитектуры XVIII в.: он явился основателем первой архитектурной школы в России, задолго до учреждения Академии художеств.

Вся учеба архитектора в «командах» предшественников Ухтомского сводилась к практическому изучению строительного дела и начал элементарной архитектурной грамоты. Такие «команды» были у Мичурина, у Растрелли, у Евлашева. Но только Ухтомский ввел систематическое обучение архитектуре, и когда в 1749 г. уже официально была разрешена его школа, она разместилась в Охотном ряду, первоначально в двух палатах: на месте раскольнической конторы и сенатской типографии. Обучение в школе вместе с Ухтомским вели его товарищ арх. В. Обухов и ряд «гезелей», т. е. помощников, среди которых следует отметить его брата В. Ухтомского, К. Бланка, А. Кокоринова и П. Никитина.

В основу преподавания Ухтомский ставил изучение классической архитектуры, и уже через два года после открытия школы он требовал от Сената целый ряд пособий: труды Витрувия, Палладио, Серлио, Поццо, Блонделя, Деккера, Девильера и Штурма.

С небольшими знаниями вступил юный Казаков в стены школы, занимавшей уже к этому времени два этажа. Здесь же и жили почти все 28 учеников школы.

Учились в условиях грошевого содержания и строгой дисциплины, выполняя также и всю черную работу по ремонту здания и по наблюдению за ним, вплоть до мытья полов и колки дров.

Школьная дисциплина была подчас чрезмерно жесткой: неспособных ребят били палками и в конце концов по неспособности к наукам «посылали в матрозы». По составу и возрасту учащиеся очень различались, так как принимались в школу мальчики не моложе 9 лет, знавшие «грамоту и счет», но при отборе принимали во внимание склонность к архитектуре и общее развитие. В редких случаях появлялись в школе и хорошо подготовленные юноши, как, например, поступивший одновременно с Казаковым Баженов, уже окончивший Славяно-греко-латинскую школу.

Низкий уровень грамотности учеников был в то время обычным явлением, и нетрудно представить себе уровень развития бедного подьяческого сына, которого надлежало еще обучить «письменному исправлению»; об иностранных языках не могло быть и речи, и тот же Баженов должен был поступить в Московский университет для специального изучения французского языка.

Ухтомский, ознакомившись с рисунками юного Казакова, угадал в нем крупное дарование и стал заниматься с ним особенно тщательно.

Метод обучения в школе был сугубо практический. Весь курс делился на 8 групп (8 лет), причем последние две группы изучали теоретические труды классиков архитектуры, не отрываясь в то же время от практических работ по строительству.

Велось обучение русской грамоте, математике, начаткам истории, географии, черчению, рисованию, но одновременно велись практические занятия по обмеру зданий, по ознакомлению на постройках со строительными материалами, по составлению элементарных смет, и производились ежедневные командировки на стройки. На постройках ученики наблюдали за ходом работ, помогая каменщикам (подносчиками), плотникам и столярам (промерами) и исполняли всякую мелкую подсобную работу. И за все это на содержание каждого ученика полагалось только по 1 рублю в месяц (елизаветинский рубль относился к довоенному, как 1 : 7).

Однако суровые условия жизни не мешали юному Казакову прилежно проходить школу. Вскоре он стал младшим помощником Ухтомского, который в эти годы строил Кузнецкий мост через р. Неглинную, достраивал Арсенал в Кремле, запасный дворец у Красных ворот, перестраивал здание Главной аптеки и приспосабливал здания бывших присутственных мест для новооткрытого Московского университета. Во всех этих работах юный Казаков деятельно помогал своему учителю.

Но в то же время Казаков упорно стремился приобрести больше теоретических знаний. С первых же лет учения он усердно копировал гравюры из труда Виньолы «О пяти чинах архитектуры». Эта книжка, в 16-ю долю листа, с 107 гравюрами, грубовато передающими линии архитектурных ордеров, воспитала глаз и руку не одного нашего архитектора из плеяды славных мастеров XVIII в. Были еще рукописные списки труда Палладио, а также Штурма. Переводы для них делались или самим Ухтомским или же казенным переводчиком, состоявшим при Сенате.

Изложенные тяжелым языком правила «О пяти чинах архитектуры», с терминами исковерканных иностранных названий, все же учили любознательных учеников пропорциям и основным принципам архитектурной грамоты.

К 1760 г. Ухтомский ушел в отставку, и руководство школой перешло к старшему его помощнику П. Никитину. Помощником же Никитина стал Казаков, выделявшийся своим трудолюбием и талантливым составлением проектов.

Из школы Ухтомского Казаков в том же 1760 г. был выпущен с чином «архитектурии прапорщика». Одновременно он был назначен в «команду» к Никитину, исполнявшему тогда должность главного архитектора города («городовой архитектор»).

В год вступления Казакова на самостоятельную работу сгорела Тверь, которая играла большую роль в экономике Поволжья и являлась крупным промежуточным пунктом по тракту Петербург — Москва.

На работы по восстановлению Твери был направлен Никитин. Он организовал особую команду, поставив во главе ее Казакова. Вместе с Казаковым в Тверь были направлены зодчие Карин, Селехов, Еготов, Назаров и др.

Перед Казаковым открылась возможность проявить свои дарования во всей полноте.

Был составлен план города с центром и рядом лучеобразных улиц, сходящихся к Волге. Центр города — круглая площадь с окружающими ее зданиями «присутственных мест» — сохранился до сих пор. В масштабе той эпохи это были большие здания, со строгими фасадами, плоскости которых разбиваются пилястрами и четкими рустами. Хорошие пропорции массивных построек, приятный силуэт их дают нам представление о ранних работах Казакова, который составил также ряд проектов для обстройки главных улиц и набережной Твери. Особенно много переделок Казаков внес в старый архиерейский дом, перестроив его в дворец «на случай приездов высочайших особ».

Обстройка Твери в короткий по тому времени срок (в 2½ года) сразу выдвинула Казакова в ряды первых архитекторов, причем на него было обращено внимание, как на талантливого мастера, умевшего строить в «новом вкусе». Поэтому когда у Бецкого возникла мысль соорудить в Москве «Воспитательный дом», то, одновременно с назначением строителем здания Карла Бланка, был также приглашен и Казаков для выполнения проектов «фасадической части».

Казаков составил проект фасада и дал также отличный проект планировки всего огромного участка с живописной обработкой площадей, зеленых насаждений, набережных и красивых сходов к Москва-реке. К сожалению, из-за самодурства Демидова, финансировавшего постройку, этот проект планировки не был выполнен.

Общий тон фасадных композиций был найден Казаковым удачно. Такой огромный массив мог быть решен только в лаконически простых формах, со спокойным членением плоскостей, с прекрасно найденными про-

порциями оконных пролетов; скромно выделены главный под'езд и венчающая вышка (теперь новая). Здание умело поставлено, и весь его сдержанный ансамбль превосходен.

Попутно Казакову поручено было оформление фасада здания новых «присутственных мест». Казаков сумел придать скромному небольшому фасаду выразительные черты, акцентировав его строгим дорийским портиком. Классицизм становится уже излюбленным стилем молодого мастера.

В 1768 г. была образована «Экспедиция по строению Кремлевского дворца» по гениальному проекту школьного товарища Казакова Баженова, который задумал создать дворец «достойный к прославлению Российской державы».

Баженов сразу оценил всю величину дарования своего товарища, большую опытность и трудолюбие которого он считал верным залогом успешности небывалого архитектурного предприятия. По настоянию Баженова главным помощником его с назначением «заархитектором» приглашен был Казаков. Большой интерес представляет аттестация Баженовым Казакова в официальном рапорте при его докладе императрице: «он (Казаков) по знанию архитектуры столько приобрел и впредь к большим делам способен, а сверх того в случае болезни моей самую должность (т. е. главного архитектора) отправлять может».

Но и в этом слитном творчестве Казаков не утратил своего я. Баженов только помог Казакову отшлифовать свой талант, помог укрепить его приемы планировки пространственных об'емов, умело подчиняя их основной идее всего массива. Но, применив пышную ордерную систему в оформлении Кремлевского дворца, Казаков нигде, ни в одной своей другой работе, не повторял Баженова, оставаясь верным требованиям своего собственного стиля.

Проекты Кремлевского дворца, сделанные в течение года и четырех месяцев, были утверждены в Петербурге. Одновременно производилась очистка участка от свалки и скученных старых построек, разобраны были старые церкви, огромные здания «приказов» и часть кремлевской стены. Только в 1772 г. был готов котлован и произведена первая закладка. Работы были начаты, но после окончания русско-турецкой войны они были, по повелению Екатерины, прекращены. К приезду Екатерины в Москву по случаю торжеств заключения Кучук-Кайнарджийского мира было намечено скороспелое строительство Пречистенского дворца, для чего были приобретены два больших дома (Долгорукого и Голицына) у Пречистенских ворот. Постройка этого дворца была поручена Казакову.

Сохранившиеся чертежи этого сооружения являются образцом талантливого решения в сложных условиях соединения в одно стройное целое двух разновеликих зданий с путаной планировкой помещений. Пристроенные деревянные галлереи и «тронный» зал выявляют Казакова, как большого художника интерьера.

Устройство Ходынских торжеств по случаю мира было поручено Баженову. Этим Екатерина делала жест, который должен был смягчить для великого мастера крушение гениального замысла постройки Кремлевского дворца.

Официально дело было поручено «Кремлевской экспедиции», и Казаков явился главным исполнителем всех проектов «увеселительных» сооружений, разработанных совместно с Баженовым.

В период проектирования «Ходынского увеселительного строения» Казакову был передан заказ на строительство «Петровского под'ездного дворца». Проект, представленный Казаковым, получил утверждение, и на пустыре, принадлежавшем Петровскому монастырю, состоялась закладка Петровского дворца (рис. 1).

Постройка дворца затянулась на 7 лет, так как очень скупо отпускались средства. Деньги нужны были для строительства столицы, а казна была истощена целым рядом войн.

В проекте Петровского дворца великолепно решен курдонер с живописными башнями оград (рис. 2). Позади дворца предполагалось огромное здание конюшенного двора, но за недостатком средств эта часть проекта осталась невыполненной. Здания дворца и примыкающих к нему служебных помещений, декорированных линией стены с башнями, представляют собой ценнейший вклад Казакова в архитектуру на основе творческого освоения древнерусского зодчества.

Эти элементы, навеянные Казакову прошлой русской архитектурой, под рукой великого мастера русской классики вылились в совершенные, законченные формы. Планировка дворца центрировалась круглым зданием с верхним светом, и отделка его, как и остальных помещений, в стиле Людовика XVI не вносила диссонанса в цельность всей композиции. Пожар 1812 г. и поздние многократные переделки внесли кое-какие искажения. Однако эти переделки не испортили здания в целом, остающегося непревзойденным шедевром архитектуры.

На следующий год после начала постройки Петровского дворца Казаков приступает к своему величайшему творению — зданию Сената в Кремле (рис. 3).

Еще в годы проектирования Кремлевского дворца у Казакова родилась идея застройки всего Кремля и его реконструкции, исходя из реальной возможности перепланировки всего кремлевского ансамбля. В Кремле еще сохранились рядом с замечательными соборами и теремным дворцом случайные деревянные постройки всевозможных боярских дворов, которые не удалось убрать в годы подготовки к строительству Кремлевского дворца. За соборами, к Боровицким и Троицким воротам, между Никольскими и Спасскими воротами, все еще торчали полусгнившие разнокалиберные строения. Большой участок против Арсенала удалось купить у Трубецких и Борятинских, все еще по вотчинному праву владевших здесь своими «дворами». Этот-то участок треугольной формы и был предоставлен для постройки здания Московского сената.

Сенатское здание должно было включить в себя главнейшие правительственные учреждения, а центральная его часть должна была служить для выборов и собраний дворянства. Первоначально строительство Сената предположено было поручить арх. К. Бланку, но победило дарование Казакова, проскт которого был утвержден. Казаков назначается архитектором и строителем Сената (1776 г.), а Бланк был оставлен консультантом, скрепляющим все сметы.

Нелегкая задача освоения треугольного участка была решена Казаковым просто и гениально. Треугольное в плане здание не нарушило ансамбля всей кремлевской массы, давая фон и старым кремлевским стенам, и против стоящему Арсеналу, и замыкающим площадь соборам, и величественной вертикали — Ивану Великому. Плановое решение подчинено было центру, большая арка открыла внутренний живописно построенный двор с под'ездом к главному круглому центральному залу, увенчанному куполом — перлу казаковского творчества (рис. 4). Внешняя дорика фасадных плоскостей контрастирует с богатым коринфским ордером круглого зала, декор которого, особенно карниза и венчающего кессонированиого купола (диам. 24 м), безукоризненно выполнен и может считаться одним из лучших образцов архитектуры интерьера.

Современники высоко оценили работу Казакова, называя здание «мастерским произведением вкуса и изящества», «русским Пантеоном». Одиннадцать лет строилось здание Сената (1776—1787) под неустанным наблюдением Казакова, применившего в постройке здания ряд интересных конструктивных решений, доказавших, что камень может служить в умелых руках надежным и послушным строительным материалом. Лучшие резчики и скульпторы были приглашены для украшения центрального

1. Петровский дворец. Рисунок М. Ф. Казакова.

зала, где Казаков впервые дал такое насыщенное скульптурное богатство (рис. 5).

Одновременно с постройкой Сената Казаков выстроил в Кремле дом митрополита Платона. Но этот дом мало удовлетворял честолюбие последнего, так как он был перестроен из старого небольшого двухэтажного здания.

Платону мыслилось создание дворца по типу дворцов католических архиепископов. И вот на 2-й Мещанской приобретается большой участок, и Казаков составляет план застройки. Строительство начинается с домовой церкви, которую пристраивают к существовавшей уже здесь старой церкви XVII в. Но постройка эта не была доведена до конца, и идея создания архиепископии свелась к сооружению на другом участке (на Троицкой ул.) скромного по размерам митрополичьего дома простой архитектуры. Следует отметить, что Казаков, строя ротонду домовой церкви, меньше всего следовал установленным каноническим правилам церковного строительства; он воплощал свою идею создания круглого об'ема, покрытого куполом и завершенного вышкой на изящных колонках.

* * *

Наступает расцвет деятельности Казакова. Полный сил, 46-летний мастер далек от самодовольного успокоения на достигнутых успехах. — он продолжает упорно работать. Диапазон его работ ширится, охватывая уже провинцию.

Так, он приглашается к работам по обновлению Калуги и ее губернии, где остались следы его творчества в виде здания Гостиного двора, некоторых культовых зданий и частных жилых домов.

В Коломне Казаков проводит работу не только как архитектор, яо и как археолог.

Стены древнего Коломенского кремля требовали значительных исправлений и восстановления. Но городской магистрат, местные помещики, а особенно представители духовной власти, отнеслись с полным равнодушием к восстановлению этого прекрасного памятника древнерусского зодчества. За это дело взялся Казаков. Человек необычайно пунктуальный, он произвел тщательные обмеры стен и башен и зарисовал их тонкой графической манерой (на полулисте ватмана), передав все мелочи восстанавливаемых зданий. Здание архиерейского дома в Коломне носит

2. Петровский дворец. Рисунок М. Ф. Казакова.

следы творчества Казакова, по его же проектам было выстроено несколько частных домов.

Соседний Голутвинский монастырь был окружен новой стеной с башнями затейливого рисунка, представляющими как бы отзвук форм Петровского дворца.

В провинцию Казаков ехал охотно: он стремился оживить омертвелую архитектуру глухих городов, вкрапливая свои строгие классические здания в монотонную гамму обезличенных построек.

Большой интерес представляет поездка Казакова на юг, Новороссийский край, куда он был направлен в «команду» к кн. Потемкину (1783).

Центром этого края предполагался новый город — Екатеринослав, к постройке которого и был приглашен Казаков.

Казаков с увлечением взялся за новую для него тему создания целого города и составил интересную программу строительства, называемую «Начертание гор. Екатеринослава».

В этом городе, по словам программы, «во-первых, представляется великолепный храм, затем судилище — наподобие древних базилик, лавки полукружием — наподобие пропилей или преддверия Афинского, с биржей и театром посредине. Палаты государские, где жить и губернатору, во вкусе греческих и римских зданий, имея посредине великолепную и просторную сень. Архиепископия с дикастериею (семинарией) и духовной схолой. Дом инвалидный с должным великолепием. Дом губернаторский, дом дворянский, и аптека. Фабрика суконная и шелковая. Университет вкупно с академией музыкальной». Размах был огромный, но средства отпускались ограниченные, и трех миллионов, которые были отпущены на обновление нового края, было слишком мало для осуществления такой программы.

Вместе с Казаковым в Екатеринославе был и его ученик и помощник Еготов; проекты, составленные ими на месте, не были осуществлены, состоялась лишь торжественная закладка собора, проект которого впоследствии также был изменен. Программу нужно было суживать. Казаков, не согласный с методами работы взбалмошного Потемкина, не располагавших к спокойному планомерному творчеству, вынужден был после 10 месяцев пребывания на юге вернуться в Москву вместе со своим помощником Еготовым (в рапорте он писал, что оставил команду Потемкина «по болезни»).

3. Дом Правительства в Кремле (б. здание Сената). С рисунка Ф. Алексеева (1806).

К сожалению, от этого интересного периода работы Казакова не сохранилось даже проектов. По проектам же Казакова была выстроена площадь в г. Николаеве.

Вернувшись в Москву, Казаков принял ряд заказов на сооружение общественных и частных зданий. На углу Большой Дмитровки и Охотного ряда, по поручению кн. Долгорукого, он выстроил дом, вскоре приобретенный московским дворянством для устройства собраний (рис. 6).

Двор при этом доме был приспособлен для устройства большого парадного зала, могущего вместить до 3000 человек; зал был решен помпезной колоннадой с хорами и перекрыт плоским зеркальным сводом с распалубками, дающими освещение. Для украшения стен и плафона зала Казаков применил живопись. Художник Клауде покрыл стены фресками (тематика — военная арматура), а на плафоне изобразил фигуру черного орла. Строгий ритм изящных по своему рисунку колонн, украшающих зал, поистине музыкален; следует отметить необычайно высокие акустические достоинства зала. В пожар 1812 г. здание сгорело и было восстановлено уже в 1814 г. помощником Казакова Ал. Бакаревым, сохранившим основную архитектуру зала. Этот дом (теперь Дом союзов) — лучшее после Сената произведение Казакова, хотя от него сохранился только зал, вся же архитектура фасадов изменена при последней перестройке дома (в 1906 г.).

В течение 8—10 лет Казаков усиленно занят строительством правительственных и общественных зданий. В числе их — Московский университет, дом главнокомандующего, перестройка старого здания Лефортовского дворца, тюремный замок, Голицынская и Павловская больницы, Преображенский «долгауз», здание «Нового Комиссариата» и ряд церквей.

Во всех этих работах отсутствуют шаблонные приемы; напротив, при всем видимом единообразии внешнего облика каждый об'ект имеет свои черты, свою архитектуру, крепко спаянную с плановым разрешением основного задания. Наиболее ценным памятником этого периода деятельности Казакова является здание Московского университета (так называемое «старое здание»). Центризм его достигнут ионийской колоннадой, а боковые крылья, выходящие по улице, скромными пилястрами повторяют ионику центра. Плоскости стен решены приемом массивных гладких лопаток; их конструктивное значение очевидно, но неожиданный декоративный мотив круглых окон в аттике — явление совершенно новое, так как принцип строгой целесообразности и экономичности у Казакова всегда превалировал над декоративными моментами.

4. Дом Правительства в Кремле (б. здание Сената). Круглый зал. Деталь.

Здание сгорело в 1812 г. и в 1816—1818 гг. было восстановлено Д. Джилярди уже в формах утонченного ампира. Осталась нетронутой одна лишь часть заднего дворового фасада. Актовый зал был восстановлен в том виде, как его выстроил Казаков, лишь с добавлением орнаментальной росписи. Зал этот производил на современников сильное впечатление: «Нельзя войти в залу, — писал один из них, — не почувствовав тайного благоговейного трепета: как все величественно. и какой во всем вкус». Одовременно с постройкой «Университетского дома» Казаков закончил «Университетский благородный пансион» — дворянский институт с пансионатом. Для пансиона Казаков перестроил старый дом межевой канцелярии, украсив его строгим тосканским портиком.

Дом главнокомандующего (теперь здание Моссовета), для которого уже имелся проект и был выложен цокольный этаж, Казаков красиво обстроил корпусами. В об'яснении к плану Казаков пишет: «Оное строение главного корпуса строено мною, а кем прожектировано — неизвестно». Это единственный случай, когда он строил по чужому проекту, что и сказалось в несвойственной Казакову утяжеленности всего фасада. Но интерьеры и главная лестница — работы Казакова, как и под'езд с улицы, украшенный ранее четырьмя большими фигурами римских воинов (скульптор Замараев).

Широко развернул Казаков ансамблевое строительство в зданиях Голицынской больницы. В отличие от «Университетского дома», стесненного размерами городского участка и частично соседними сооружениями, строительство Голицынской больницы на просторном участке Бол. Калужской дороги и Москва-реки открывало Казакову большие планировочные возможности.

Строительство Голицынской больницы выходило за пределы обычной больничной постройки (рис. 8). Огромный курдонер замыкается главным больничным зданием с боковыми крыльями. Здание расположено с учетом уличной застройки и партерного схода к Москва-реке. Этот спуск был обработан художественно скомпонованным озеленением в виде древесных и цветочных насаждений, садовых оранжерей и беседок, из которых две круглые заканчивали обработку набережной Москва-реки, замыкая зеленый ковер сада. Архитектура здания — изысканно проста: плоскости гладких стен, горизонтальное членение их подчеркнуто тягами, нарастание идет с двухэтажных боковых частей к трехэтажному центральному зданию, с богатым по формам портиком и венчающим куполом, уравновешенным двумя трибунами, играющими чисто декоративную роль.

5. Дом Правительства в Кремле (б. здание Сената). Круглый зал. Деталь.

Особое внимание мастера заострено было на центральной части, где устроен большой круглый зал для церкви. Форма зала решена колоннадой ионийского ордера, поддерживающей богато кессонированный сферический купол, освещенный люкарнами. Очень эффектна повторная гамма колоннады в виде второго ряда меньших колонн коринфского ордера. Арочное решение окружающих плоскостей прекрасно завершает архитектуру ротонды.

Необычным для Москвы являлось здание «Публичного зала», выстроенное в парке больницы. Князь Голицын, по заданию которого строилась больница, имел у себя значительное собрание картин и скульптуры, для которого и была в парке больницы выстроена двухэтажная галлерея. Этот первый в Москве частный музей существовал только при жизни Голицына, но после его смерти больничное начальство распродало всю коллекцию и перестроило галлерею под больничное помещение. Проект этой галлереи был составлен Казаковым в двух вариантах: один в стиле строгого дорийского ордера, а второй, неосуществленный, сам автор назвал «готическим».

Другое больничное здание, Павловская больница, значительно проще и по планировке всего участка и по своей архитектуре. Это сооружение было начато еще до Казакова, но главный корпус построен по его проекту.

В четырехугольнике зданий «Нового Комиссариата» (Садовники, 63) фасады сохранили черты казаковской архитектуры: угловые башни, решенные мелкими формами, скромный декор красиво очерченных плоскостей, хорошие пропорции оконных пролетов.

Что касается дворцовых зданий, Лефортовского и Екатерининского, то хотя участие в их переделках Казакова сейчас документировано, но множество поздних переделок сделали черты казаковской архитектуры трудно уловимыми.

После постройки Петровского дворца Казаков не один раз возвращался к интересующей его идее создания «живописной архитектуры», которую он называл «готической», недооценивая тем самым огромного ее значения как проявления глубоко-русского направления своего творческого пути. В двух своих произведениях Казаков показал со всей полнотой свое мастерство в искании новых форм: это церковь в Быкове и Царицынский дворец.

Здесь раскрывается весь широкий диапазон творческой мысли Казакова. Заканчивая отделку круглого зала Сената в духе совершенной клас-

6. Москва. Дом союзов (б. дом дворянства). Зал.

сики, Казаков в то же время создает смелые фантастические об'емы блестящей декорации церкви в Быкове, по существу — не церковного типа. Живописная по формам лестница причудливого барочного рисунка ведет на площадку с целым рядом смело декорированных об'емов, и вдруг — полная неожиданность: интерьер этого «готического» сооружения решен в строгих приемах классической архитектуры, выраженной свободным художественным рисунком, присущим Казакову.

В другом своем «готическом» произведении — Царицынском дворце — Казаков дал иную, спокойную в своем величии, архитектуру (рис. 9).

Известна печальная участь дворца в Царицыне, почти доведенного до конца Баженовым. По капризу Екатерины эта постройка была сломана. Баженов, великий русский зодчий, попал в опалу. Екатерине было не до дворца: назревала война со Швецией. Но Потемкин добивается продолжения царицынского строительства. И вот Казакову поручают произвести заново постройку дворца, — задача затруднительная, создающая неловкость по отношению к обиженному другу и грозящая перспективой подпасть под новый царственный каприз.

Казаков понимал всю гнусность вандализма, выразившегося в приказе сломать до цоколя здание, строенное с увлечением и любовью великим художником. Стены были разобраны до основания, но не сломана основная баженовская идея. Целы остались окружающие дворец живописные сооружения, среди которых нужно было создать здание, не нарушающее гармонии окружающего, здание, которое должно было быть подчеркнуто уцелевшими фигурными воротами и переходом к кухонному («хлебному») дому.

После разборки главного корпуса дворца Казаков в 1786 г. везет в Петербург свой проект «для об'яснения по оному», и ему поручается производить постройку. Проект «английского» сада, новых беседок и «кавалерских корпусов» Казаков представляет только в 1788 г. Главная причина такого вялого строительства заключалась в том, что слишком надумана была вся затея Царицына. Екатерина Москвы не любила и никогда подолгу в ней не жила. Царское Село отвечало всем прихотям ее жизни, а необходимость находиться в кругу правящей клики фаворитов держала Екатерину в Петербурге. Но Потемкин решил создать подмосковную резиденцию, и, подчиняясь его заданию, Казаков развернул большую программу работ в Царицыне. Были скуплены соседние усадьбы при селах Булатникове и Конькове для постройки дворцов великим князьям (рис. 10).

7. Москва. Интерьер ц. Филиппа (2-я Мещанская ул.).

Проектирование дворца на остатках цокольного этажа, конечно, стесняло творческую мысль Казакова, который в данном случае должен был считаться с очень упрощенным планом Баженова.

Тщательно сработанный проект был испещрен мелкой дробностью отдельных частей, особенно в угловых башнях. В натуре они были им изменены. В западно-европейском зодчестве трудно найти подобие Царицынскому дворцу, обогащенному свежими формами казаковского «готицизма». При всей кажущейся экзотичности дворца его архитектура строга, выполнение всех деталей строения отличное. Живые фрагменты мощной архитектуры дворца ждут своего восстановления, чем будет воздвигнут памятник, ярко характеризующий одну из замечательных черт многообразного творчества великого русского зодчего.

Самая кладка стен, умелая перевязка кирпича с белокаменными деталями, тщательное выполнение этих деталей — все это наглядный пример того, как внимательно относился Казаков ко всякой мелочи.

В комплексе царицынских построек был намечен также большой «конюшенный двор» — необходимая транспортная база того времени. Она представляла собой целый ансамбль строений большого хозяйства. Конюшни на 600 и на 450 лошадей, сараи, фуражные склады, службы. В проекте этого «двора» интересны приемы планов, в основу композиции которых был положен живописно-декоративный принцип.

Для села Булатникова, где предполагалась резиденция Потемкина на случай приездов Екатерины в Царицыно, генеральный план был обдуман в об'еме большого усадебного строительства в классическом стиле. План здания прост, логически ясен.

Фасады дворца намечены в виде двухэтажного здания с портиком, дорийские колонны которого легки и изящны в своих пропорциях и линиях. Акцентом в плане дворца взят круглый зал с полуциркульными нишами, расположенными по его осям. Дворец был начат строительством, но вскоре, в связи с денежными затруднениями, вызванными войной, вместо каменного здания решено было выстроить деревянное. Казаков изменил план, введя конструктивные дополнения, но сохранив прежнюю общую разбивку и основные размеры.

Дворец в селе Конькове, предназначенный для великого князя и великих княжен, был запроектирован Казаковым в стиле классики, с вариантом проекта в стиле казаковской «готики». Был выведен полуподвальный этаж с сводами, начат деревянный этаж, но вскоре строительство было прервано, а затем и совсем заглохло.

8. Москва, 2-я Советская больница (б. Голицынская) (Б. Калужская ул.).

Примерами классики в Царицыне являются прекрасная беседка «Миловида», выстроенная помощником Казакова Еготовым, и так называемая галлерея «Нерастанкино». Эти беседки вместе с баженовским грациозным храмиком «Золотой сноп» показывают, как внедрялось искусство классицизма в обстройку подмосковных усадеб, где Казаков оставил яркие следы своего творчества (усадьба Измайловых в Быкове, усадьба Демидовых в Петровском-Алабине).

* * *

В разнообразной серии общественных сооружений значительное место у Казакова занимает культовое строительство. В творчестве Казакова эти здания представляют чрезвычайно любопытную страницу композиционных замыслов, решенных в четких формах классицизма. «Чин» церковных традиций был им отвергнут, канон сменился новой идеей создания живописного об'ема — ротонды с обработкой ее классическими формами (рис. 7).

По-новому делает Казаков очертание плоскости и декор купола, давая интересные, неповторяющиеся образцы, новые и свежие по рисунку. Богато кессонируется поверхность сферического свода, интерьеры церковных зданий приобретают большую выразительность.

Иконостасы в этих интерьерах Казаков рисовал с большим искусством, подчеркивая в изящных формах материал (обычно — мрамор в соединении с бронзой).

Сохранился офорт, один из немногих, сделанных Казаковым, изображающий иконостас в церкви Рай-Семеновского и изготовленный из местного мрамора, найденного Казаковым при обследовании окрестностей Москвы.

Иконостасы работы Казакова были также в церкви Лазарева и Данилова кладбищ.

В «Альбомах» Казакова сохранились тонкие изящные рисунки иконостасов собора Нового Иерусалима (на Истре), осуществленных и сохранившихся, и очень интересный по тонким деталям рисунок иконостаса дворцовой церкви Пречистенского дворца. Все эти рисунки ценны в отношении выявления общих композиционных приемов, применявшихся Казаковым при решении архитектуры малых форм.

Местные провинциальные строители не всегда бережно относились к казаковским проектам, и часто прекрасные решения коверкались по соображениям экономии, а чаще неумелой рукой строителей.

9. Царицынский дворец под Москвой.

* * *

Планы в работах Казакова сами по себе являются произведениями высокого искусства.

Период деятельности Казакова, относящийся к 80—90-м годам XVIII в., связан со складывающимся в эти годы новым типом городского дома-особняка.

Владея крупными городскими участками, дворянство стремилось захватить фронт улицы, отделить свой двор, чтобы в глубине его поставить дом-особняк.

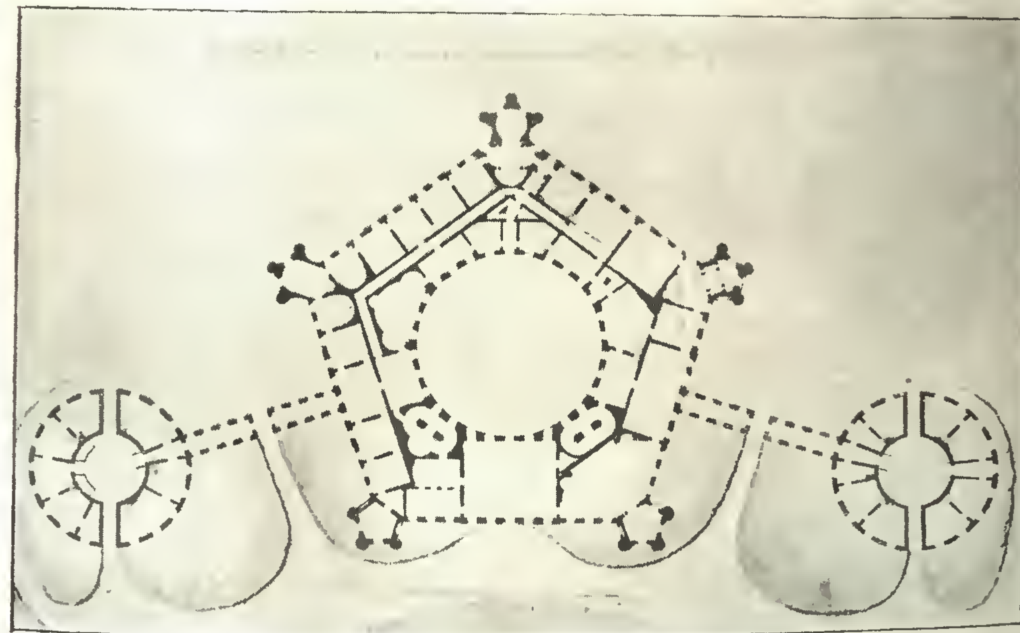
Планировка города, как основы городского строительства, в XVIII в. только намечалась. Екатерининская «Комиссия строительства столичных городов Санкт-Петербурга и Москвы», касаясь, по существу, общих нормативных наметок, меньше всего затрагивала общую планировку города. Казаков мало интересовался работой этой комиссии, знал ее бюрократическую сущность и беспомощность ее представителей. Но, наблюдая плановое строительство в Петербурге, великий зодчий мечтал создать и в Москве хорошие улицы с красивыми зданиями, украшающими окружающий неприглядный фон. Общий ландшафт Москвы второй половины XVIII в. был чрезвычайно разнообразен и оригинален своими противоречиями.

В записках иностранных путешественников и мемуарах отечественных писателей, где даны картины внешнего облика «первопрестольной», отмечалась живописность города, но в то же время чрезмерная некультурность и грязь.

«Москва, — пишет В. Волконский в своих записках, — скорее сбор городов, нежели один город; она представляет громадное множество зданий самого разнообразного стиля, великолепные дворцы, деревянные дома, окруженные садами, очень обширными, множество лавок, сараев, лабазов... Высятся иногда большие нарядные дома, а рядом избушки нищеты с их бедностью и грязью».

На фоне живописной хаотичности города, с его средневековой сетью неблагоустроенных улиц, Казаков на протяжении пятнадцати лет создает ряд прекрасных домов-особняков, придав тем самым иной характер городской застройке, получившей законченные архитектурные ансамбли. До Казакова московская улица представляла собой почти сельский пейзаж, где каменные строения были редки, а архитектурно обработанные дома являлись униками. Сравнительно большим количеством каменных

10. Дворец в Конькове под Москвой (проект).

зданий обладали Немецкая слобода и весь район, прилегающий к Яузскому дворцовому поместью (Анненгоф, Головинский, Лефортовский дворцы).

Начиная от Красных ворот, тянулась застройка Басманных с их бесконечными переулками. В этом районе Москвы и началось дворянское заселение. Здесь Казаков построил первые свои «партикулярные» (т. е. частные) дома, начиная с домов дворцовых масштабов и кончая сравнительно небольшими особняками.

В зданиях общественного назначения функциональное начало предрешало схему плана и обусловливало внешнюю их архитектуру, придавая им соответственную строгость и спокойный представительный фасад.

В архитектуру жилого дома Казаковым были внесены особый уют, смелое решение плана, тонкое умение сочетать бытовые элементы жилья с красивыми формами.

К совершенным образцам жилого дома Казаков подошел путем постепенной разработки этой проблемы. Впервые после дворцовых сооружений, с их обусловленным парадным распределением интерьера, Казаков столкнулся с архитектурой жилья при перестройке бывшего дома Бестужева для графа Безбородко.

Дом Бестужева был выстроен еще в 40-х годах XVIII в., по соседству с Лефортовским дворцом, архитекторами Ухтомским и Бланком.

Казаков перепланировал внутренние помещения главного дома, пристроил по бокам его два крыла очень большого масштаба. Каждая из пристроенных частей состояла из целого комплекса жилых помещений с центральным большим залом; при одной из них была домовая церковь. Пышность обстановки дворца, импозантность здания, прекрасный сад, спускающийся партером к р. Яузе, так пленили приехавшего в Москву Павла I. что он приобрел его у Безбородко для устройства дворца, получившего название «Слободского» (район этот назывался тогда Немецкой слободой). Планировка этого дома, по существу, была дворцовой, и скромный ордер его фасада содержал в себе черты дворца, выходящего на свободную площадь.

Иначе решил Казаков постройку дома-дворца для кн. А. Куракина (рис. 11). Нарядный своей архитектурой, выдвинутый в линию улицы, этот дом оживил сравнительно пустую тогда Старо-Басманную улицу.

Здесь и новое решение двора: курдонера нет, а есть внутренний двор чисто служебного назначения, охваченный полукругом служебных корпусов.

11. Москва. Дом кн. А. Куракина (до перестройки в 1884 г.), Басманная ул.

Вся представительность сосредоточена на фасаде и интерьере. Богатый массами фасад необычайно пластичен, его центральная часть украшена колоннами коринфского ордера, боковые ризалиты повторяют систему колонн в ионийском ордере — прием, излюбленный Казаковым и впоследствии усвоенный его учениками. По своей архитектуре и убранству этот дом считался одним из лучших в Москве и поражал даже заезжих знатных иностранцев. Знаменитая французская художница Виже-Лебрэн, не очень щедрая на похвалы вообще, пишет, что дом Куракина «один из пышнейших домов в Москве. Это громадный дворец, отделанный снаружи и внутри с царской роскошью. Несколько зал, которыми нам пришлось пройти, были украшены одна другой богаче...»

Впоследствии дом был переделан для Коммерческого училища.

Вблизи, в Гороховском пер., был большой участок И. И. Демидова. Застраивая этот участок, Казаков также выдвинул главное здание по линии улицы, а не отнес его в глубь двора, что было вполне возможно при размерах большого участка. Здесь явно стремление мастера застроить улицу, украсив ее красивым зданием, разрушающим монотонную линию деревянных заборов соседних владений. Служебные флигеля были поставлены также по линии улицы, тем самым организуя большой застроенный фронт. Этот прием был тоже новым. Поставив флигеля в известном разрыве от главного дома для достижения симметрии в композиции, необходимо было соорудить ограду с воротами. Такой мотив утвердился в архитектуре Казакова и многократно повторялся. Малые формы (например ограды) Казаков проектировал очень тщательно: искал классические пропорции, деление частей, производил гармоническую и четкую прорисовку всех деталей.

Великий мастер не относился пренебрежительно к так называемым архитектурным мелочам.

Дом Демидова, кроме нового приема расположения здания, интересен еще и обработкой своего фасада. В противоположность сочной пластике фасада дома Куракина, с богатой светотенью в колонных групповых сочетаниях, здесь мы видим спокойную уравновешенную плоскость; и только портик с небольшим относом, рустованный первый этаж и скромные наличники окон второго этажа составляют основное убранство фасада.

Подобный же мотив застройки по красной линии с фасадом еще большей выразительности и пластичности повторен в бывшем доме Дурасовой на Яузском бульваре (теперь здание Военно-инженерной академии). Фасад этого дома над окнами второго этажа был декорирован скромными

12. Москва. Здание Института физкультуры (б. дом гр. Разумовского). Гороховская ул.

барельефами, а фронтон насыщен орнаментальной скульптурой. Кроме скульптурных заполнений, по второму этажу вводятся еще и балконы.

Основной прием планового разрешения подобных домов был всецело подчинен бытовому укладу их владельцев — дворян.

Главный вход располагался в боковой части нижнего этажа дома, с под'ездом со двора. Служебные помещения для дворецких, камердинеров, лакеев, под кладовые отводились в нижнем этаже при второстепенных лестницах. Парадная лестница строилась обычно в три марша и обрабатывалась с большой роскошью. Серия парадных комнат шла анфиладой и включала ряд помещений: кабинеты, гостиные, спальни, боскетные, столовые. Верхний этаж отводился под детские, а также под комнаты для гостей. Кухни были расположены в отдельных флигелях, и только в буфетной при столовой была небольшая печь для подогревания пищи. Во флигелях размещался многочисленный штат дворни в тесных комнатушках, вне всяких санитарных норм; особенно так называемые «девичьи» и «людские» наполнялись живущими доотказа.

В глубине двора, часто второго, устраивалось обособленное конюшенное хозяйство с каретными сараями, сеновалами и амбарами для продовольственных запасов.

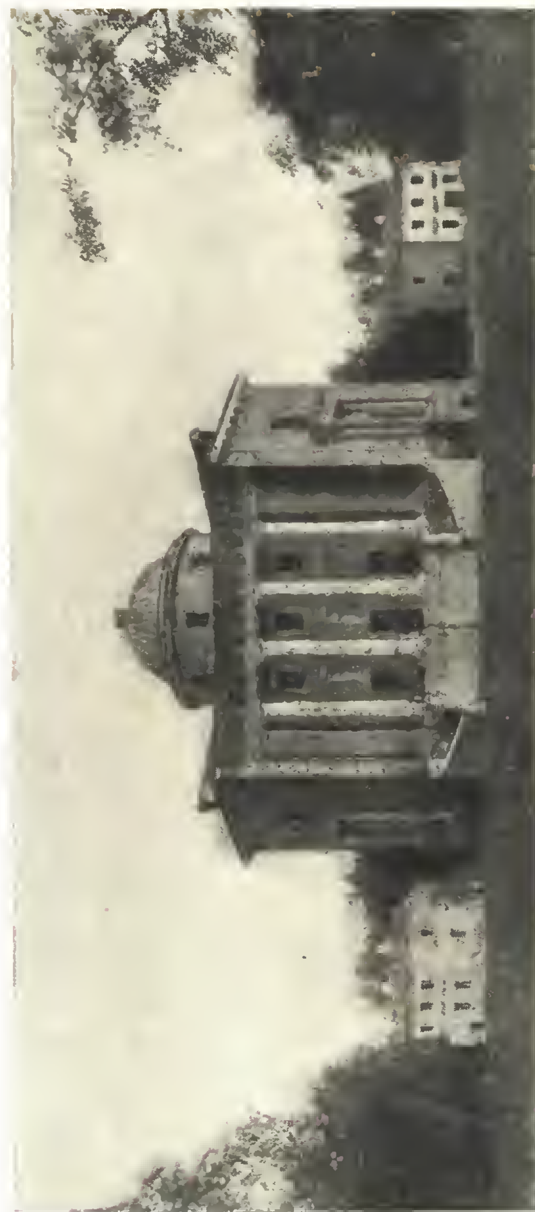
Но тщетно искать в планах этих домов даже подобия санитарного узла. В лучшем случае в богатых домах при спальне или отдельной «одевальной» устраивалось маленькое темное помещение для уборной с выносным судном. На ванные нет и намека.

Своим домом-особняком дворянин отгораживался от городской жизни, от толпы, как отгораживался он своей грамотой «о вольности дворянству» от народа.

Многократно повторив типичную застройку по линии улицы, Казаков перешел к другому типу дома-особняка, возвращаясь отчасти к курдонеру.

Так, в архитектуре дома Барышникова (теперь дом Мясницкой больницы) центр подчеркнут антресольной повышенной частью, в портик внесен новый мотив заменой угловых колонн коринфского ордера квадратными, придавшими фасаду живописность и подчеркнутую статичность. Боковые же выступающие на улицу крылья здания обработаны плоскими пилястрами ионийского ордера. Повторение такого завершения портика мы видим и в доме Губина (Петровка, Институт физиотерапии).

Основной мотив фасадного оформления — портик — варьировался Казаковым в разнообразных очертаниях и размерах. Так, вместо обычного шестиколонного портика мы видим десятиколонный в бывшем доме Ероп-

13. Петровское-Алабино.

кина (Остоженка, ныне Метростроевская) и двенадцатиколонный в бывшем доме кн. С. Гагарина (Петровские ворота, клиника I МГУ).

Дом Гагарина построен с оригинальным решением планировки всего участка. Дом строился для богатого аристократа, любителя садоводства. Задача была — при величественном фасаде сохранить участок для регулярного сада с оранжереями. Дом был поставлен на углу участка и главным фасадом обращен в сторону Петровки; двор же примыкает с левой стороны здания и окружен циркумференцией служебного корпуса, являющегося продолжением основного двухэтажного массива, из которого выделена средняя часть (в три этажа). Необычного размера портик составляет все богатство фасада, в остальном крайне простого. После пожара 1812 г. дом возобновлялся, и тогда-то фриз фронтона украсился лепным орнаментом, типичным для ампира.

Скульптурными орнаментальными ампирными деталями украшен также портик бывшего дома Меншикова, хотя Казаков придал столько красоты стройным линиям этого портика, что вовсе не требовалось вносить дополнительные украшения. Дом на углу ул. Герцена и ул. Огарева имел небольшой курдонер со стороны улицы и в'езд с переулка через под'ездные ворота дома (от дома сохранилась только средняя часть).

Но мотив курдонера в проектах Казакова все реже и реже играет роль планировочного акцента застройки. Бывший дом Козицкой (позже Белосельско-Белозерской) по ул. Горького был очень стеснен стоящей против него колокольней церкви, но эта теснота не чувствуется при рассматривании документирующей акварели Ф. Алексеева, из его замечательной серии видов Москвы.

Из частных домов следует отметить бывший дом Пашкова на Моховой, теперь перестроенный и называемый «новым зданием» университета. Расположенный на под'еме, этот дом был соединен одноэтажной галлереей с длинным двухэтажным домом (тянувшимся по Никитской и оканчивающимся полукружием, обработанным колоннами). Чрезвычайно живописная композиция парадных зал, полукруглые гостиные, красиво расположенная главная лестница — все это скомпоновано в одно целое и проникнуто необычайным уютом. Фасад дома дожил до 90-х годов прошлого века, когда ретивые университетские архитекторы искалечили его пристройками и «исправлениями» деталей.

Упомянем еще о тех построенных Казаковым домах, которые сохранились хотя бы частично. После «Басманных» расселение московского дворянства началось в районы «Староконюшенной» (так назывались

14. Быково под Москвой. Интерьер церкви.

ул. Остоженка, Пречистенка, Арбат с прилегающими переулками), а также и по главной тогда улице — бывшей Тверской. Мало-помалу стремление к определенному району заменяется выгодностью приобретаемых после пожаров участков или покупкой у беднеющих дворян их домов, перестраиваемых «в отличном вкусе». Сломанные остатки стен Белого города пошли на стройку казенных зданий (так были выстроены дом главнокомандующего, Яузский мост, Воспитательный дом и др.). Расчищенные места «по валу» (на месте стен) образовали большие участки, пригодные для построек, по линии бульваров кольца «А». Тогда-то и появились дома, построенные Казаковым: Дурасовой — по Яузскому бульвару, Гагарина — у Петровских ворот, Татищева — по Петровскому бульвару, Цурикова — по Гоголевскому бульвару и др.

Кроме капитальных зданий, Казаковым был выстроен ряд небольших одноэтажных каменных домов (например дом бывший Лобанова-Ростовского, ул. Кирова, 61), а также и деревянных.

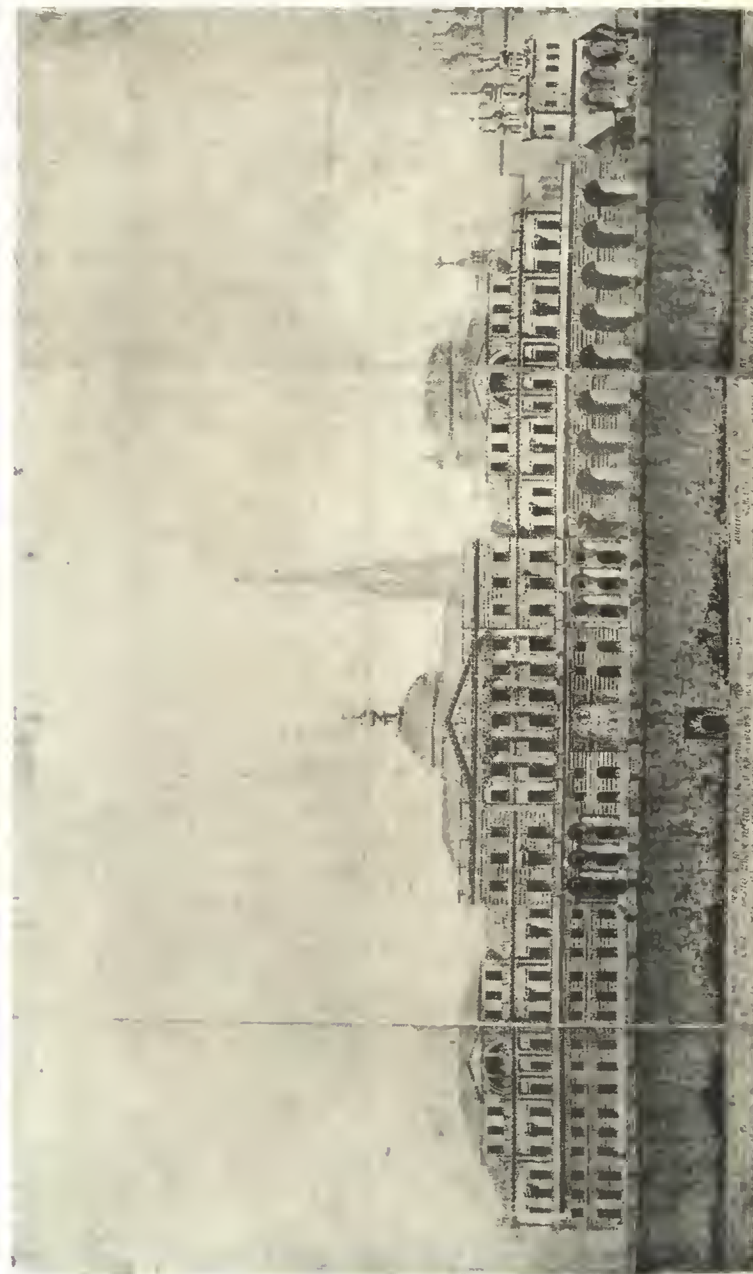
Из частных построек лучше других сохранился дом Разумовского на Гороховской ул. (Институт физкультуры) (рис. 12). Здесь творчество Казакова особенно проявилось в оригинальном планировании всего громадного участка.

Казаков решал постройку в чисто усадебном масштабе: огромный дом, позади него парк, спускавшийся к Яузе, перед домом через улицу — церковь, в стороне — многочисленные служебные постройки.

Дом был выстроен деревянный. По соображениям пожарной безопасности и для разрешения архитектурной композиции длинный деревянный массив был разбит каменной частью, обработанной большим арочным пролетом, с лоджией и двумя подчеркнутыми выступами. Богатство архитектуры центральной части контрастирует с простыми формами крыльев, идущих полукругом. Задний фасад, обращенный в сад, совершенно простого оформления, с красивыми по замыслу (теперь переделанными) сходами в парк. Эта городская усадьба — целостный ансамбль, выдержанный в своей архитектуре, причем церковь с ее прекрасной ротондой дополняет общую гармонию целого.

В «Альбомах» Казакова мы находим около 60 проектов домов московских дворян; дома эти большею частью исчезли.

За дворянами тянулось и московское купечество, соревнуясь с ними в строительстве. Начиная с середины XVIII в., разбогатевшее купечество строит капитальные торговые помещения. На Ильинке Казаков для торговых рядов Калинина застроил целый квартал, соседний с Гостиным дво-

15. Проект Кремлевского дворца.

ром. Это было трехэтажное здание с открытой аркадой в первом этаже. В третьем этаже были устроены залы для клуба. От дома этого сохранились только проект Казакова и акварель Ф. Алексеева.

Из числа купеческих домов, построенных Казаковым, сохранился дом, бывший Губина, на Петровке (Институт физиотерапии). Губин, приобретя старое владение Стрешневых, отвел большой двор для своих складов и служебных помещений. В связи с этим Казаков выстроил дом по линии улицы, несмотря на ее небольшую ширину, причем угол, выходящий на бульвар, не был застроен, а оканчивался садом; симметрично и с другой стороны до переулка участок не застраивался. Тем самым красивому фасаду дома дан был эффектный фон.

Хотя по усадебному строительству Казаков развивал большую деятельность, но время и люди разрушили многое из этих сооружений. Сохранилась лишь одна усадьба (Петровское-Алабино), дающая более полное представление о той живописной архитектуре, в которую Казаков облекал эти подмосковные сооружения (рис. 13).

Выстроенная в конце 70-х годов (XVIII в.) Демидовым, усадьба эта являлась одной из первых загородных построек Казакова, который достиг здесь замечательного ансамбля, очаровательного по смелой композиции и блестящему выполнению. Особенно ярко выражена «музыкальность» архитектуры в небольшом центральном доме, эффектно ориентированном в отношении квадратного двора со скромными флигелями. Обработка стены фасада и углов его, купольное освещение центрального зала, живописные сходы-лестницы, все детали — составляют безусловно блестящую страницу классической русской архитектуры.

Казаков, к сожалению, не составил альбома своих подмосковных построек, подобно тем альбомам, куда он внес проекты своих общественных и частных зданий. О многих загородных постройках Казакова приходится только догадываться.

Кроме Петровского Демидовых, Казаков строил усадьбу Измайлова в Быкове, где в парке еще видны остатки беседок, сходов к пруду и церковь (рис. 14).

Казаков строил нащокинскую усадьбу Рай-Семеновское, где в искалеченном доме уцелел лишь зал с колоннами и церковь оригинальной композиции (сочетание кубических массивов с блестящей классической отделкой интерьера).

Есть основание считать Казакова автором построек усадьбы графа Румянцева Троицкое-Кайнарджи, где в руинах дворца можно еще отыскать

следы казаковской архитектуры, а церковь, выстроенная в 1775 г., документируется сохранившимся проектом самого мастера.

Есть также документ, указывающий, что еще в начале своей деятельности (1765 г.) Казаков вместе с К. Бланком строили дворец в Братовщине (по Северной ж. д.), один из так называемых «путевых дворцов», небольших строений для «богомольных» экскурсий Екатерины.

Но в общем от больших трудов Казакова в окрестностях Москвы остались лишь руины, искалеченные фрагменты зданий и некоторые уцелевшие проекты...

Не больше осталось и в провинции, где Казаков работал в начале своей жизни, где он часто бывал в период расцвета своего творчества и куда он уехал, чтобы окончить свои трудовые дни.

На закате дней Казакова, в годы павловского царствования, снова выплывает идея перестройки Кремлевского дворца, пришедшего в разрушение; снова составляется проект, вновь проектируется дворцовое здание для «великих князей и княжен», завершается весь кремлевский проект новым зданием «экзерциргауза». Проект сделан в тонах сдержанной классики; спокойные формы и непритязательные масштабы свидетельствуют о легко выполнимых возможностях осуществить давнюю идею реконструкции Кремля, с постройкой вне Кремля, за стеной, у Боровицких и Троицких ворот, большого конюшенного двора.

Весь проект вместе с планом Кремля, составленным по тщательным обмерам Казакова, преподносится на «высочайшее благоусмотрение».

Но Павел равнодушно отнесся к этой большой идее, и проект остался только проектом.

После беспримерно-напряженной пятидесятилетней деятельности Казаков в 1801 г. подает прошение об освобождении его от служебных обязанностей. В этом прошении он пишет: «Выучась здесь в Москве строительному художеству по силам моим во время моей жизни, которая к концу приближается, сделал одних только казенных строений следующее число»; далее, перечислив эти строения и упомянув, что чертежи их собраны в представленных книгах («Альбомах»), он заканчивает: «по угнетающей жизнь мою старости, находя себя не в силах продолжать священного для меня служения, дерзаю просить увольнения от службы и милосердного воззрения на оную и на неимущее мое состояние, окруженное большим семейством, а особливо тремя дочерьми девками».

Начальник «кремлевской экспедиции» П. Валуев подал свой рапорт, где в витиеватых выражениях характеризует Казакова: «Толико знамени-

тый и искусстнейший архитектор статский советник Казаков, прославившийся во всей России отличнейшими познаниями сего художества и практическим производством, так что, разделив талант свой, наполнил не только Москву, но и многие края России хорошими архитекторами... ныне удручен старостью, при сохранении трезвого и примерного житья, неподверженный величайшим в здравии слабостям, происшедшим от неутомимого во всю жизнь снискания ученейших познаний, каковыми он преисполнен, согбенный естественной дряхлостью... оставивший по себе весьма многие и великие его искусства... остаток дней своих желает еще посвятить обучению архитекторской школы...»

Уйдя в отставку с пенсией (2400 руб.), Казаков отдается исключительно педагогической деятельности.

Еще при образовании «Экспедиции по строению Кремлевского дворца» (1768 г.), куда Казаков был приглашен в качестве «заархитектора» главным помощником Баженова, возникла идея о необходимости организовать систематическое архитектурное образование, что и было осуществлено путем обучения архитекторов и учеников, работавших в Экспедиции.

После 1786 г., приняв дела по Экспедиции от Баженова, Казаков организует первое архитектурное училище, становится его директором и переводит его в собственный дом, где оно и находилось до 1805 г., после чего было вновь переведено в Кремль и размещено в помещениях здания Сената.

Казаков считал своим долгом передать своим ученикам максимум знаний и делился с ними своим огромным практическим опытом. При этом его заботы относились не только к его ученикам, будущим архитекторам, но он стремился поднять квалификацию и мастеров каменного, плотничного и столярного дела.

Такая подготовка проводилась уже и ранее в специальной школе при «Каменном приказе» (в период 1775—1786 гг.).

Казаков в 1792 г. подал проект об учреждении специального «в столичном городе Москве училища каменных, плотничных и столярных мастеров, чтобы под лучшим присмотром моим... в зимнее время обучать их (мастеров) черчению, архитектуре и теории, рисовать, дабы иметь совершенных мастеров российских... что смогут заимствовать и прочие губернии... и потому не будет нужды в иностранных, которые не сведущи ни в доброте здешних материалов, ни в том, что здешний климат производить может...»

Любопытен объем обучения в архитектурном училище при «Экспедиции кремлевского строения», когда им заведывал Казаков. В «распоряжении» обучения перечислены классы: рисовальный, чистой математики, механики и правил конических сечений (весьма нужных для делания вернейшим образом всякого рода сводов), перспективы и живописи пейзажной и орнаментной, гражданской архитектуры в теории, чистому российскому письму, живописи с живых фигур». При училище была учреждена также «кремлевская чертежная» (директором ее был И. Еготов, а после него — А. Бакарев), причем было постановление «наполнить чертежную чертежами и рисунками не только лучших зданий и видов в России, но и прочих именитых зданий и видов всех четырех частей света. Стараться собрать сколько возможно чертежи и виды древних зданий, паче в Кремле находившихся, уже уничтоженных; иметь чертежи тех частных зданий, кои с дозволения начальства производимы будут архитекторами и помощниками экспедиции, хранить лучшие чертежи обучающихся, заводить части моделей».

Таков был широкий кругозор Казакова, неустанно руководившего архитектурным образованием молодежи даже в те годы, когда он был «пригвожден старостью». Но и в годы заката он, по словам его сына Матвея Матвеевича, «любопытствовал узнавать что-нибудь для него новое и старался знакомиться с людьми, в которых замечал какие-либо познания. В домашней жизни наблюдал порядок и умеренность; он жил пенсией и доходом с своего дома. Хотя и находился в отставке, но руководствовал в сочинении им фасадического плана Москвы или по птичьему зрению» [1].

В 1806 г. Казаков заболел, легкий удар уложил его в постель, которой он не покидал уже до самой смерти. В 1812 г., узнав о начавшемся пожаре Москвы, он пришел в отчаяние. «Весть сия (писал его сын, М. М.) нанесла ему смертельное поражение. Посвятив всю свою жизнь зодчеству, украся престольный град великолепными зданиями, он не мог без содрогания вообразить, что многолетние его труды превратились в пепел и исчезли вместе с дымом пожарным...»

Казаков был увезен в Рязань, где и скончался в 1813 г.

* * *

Язык архитектуры Казакова был прост и ясен. На всех стадиях процесса работы он оставался прежде всего архитектором, мыслящим образами, но одновременно он не упускал из виду и конструктивных моментов.

[1] План этот пока не найден.

Усвоив со школьной скамьи принципы классической архитектуры, Казаков применял ордер осторожно и логически, сохраняя чувство меры во всем, особенно в декоративном убранстве фасадов.

Над портиком, акцентировавшим оформление фасада, и над каждой деталью Казаков тщательно работал, не впадая в шаблонные приемы, а всякий раз находя новые изящные формы. Умелое применение скульптуры сочеталось у Казакова со спокойной окраской фасадов и однотонными росписями в интерьерах. Конструкции разрабатывались с неменьшими деталями, а в применении способов кладки стен и сводов он был исключительно находчивый мастер-конструктор.

Помимо архитектурной продукции, у Казакова имеется еще ряд работ чисто инженерного порядка, вроде укрепления берегов и устройства набережной Москва-реки под стенами Кремля, устройства временного моста через Москва-реку, облицовки камнем Лобного места, устройства водостоков около него и др.

В выработку и применение новых строительных материалов он также ввел ряд улучшений. Кирпич, основной материал кладки стен, получил у него более стандартные размеры, построены были новые заводы с усовершенствованными печами (Калитниковский и в селе Воронове). Казаков обследовал в окрестностях Москвы залежи камня и стал применять его обильно в своих работах, как материал прочный и послушный обработке, особенно в деталях. Казаков всегда инструктировал мастеров «каменного дела» и поднимал их квалификацию, а для фигурной отески камня изготовлялись по его рисункам модели — лепные или резанные из дерева. Иногда декоративные детали выделывались из терракоты, как, например, в Петровском дворце. С большой тщательностью вырабатывались столярные изделия для всякого рода галтелей и отборок; делались модели специалистами-резчиками. На каждую архитектурную деталь после тщательного рисунка изготовлялся шаблон в натуральную величину. Казаков вел постоянное наблюдение за работами на лесах, а по вечерам вел беседы с помощниками о ходе работ, демонстрируя им рисунки и увражи...

Графика Казакова была утонченной. Его проекты вычерчивались тонким карандашом, но штрихом четким, легким, приближаясь манерой к рисунку для офорта. Тонкая обводка тушью и прокладка пролетов легким тоном с тенями сепией и тушью делают его проекты нежными и прозрачными. В своих рисунках разведенной тушью Казаков воспринял манеру четкого штриха, несомненно, под влиянием листов Пиранези, тогда только что привезенных в Россию; но Казаков избегал излишней контрастности. Известны его большие рисунки, изображающие закладку Кремлевского дворца, Ходынские празднества, строящийся Петровский дворец и Коломенский кремль.

Офорты Пиранези вдохновили Казакова, и он награвировал 5 листов (внутренний двор в Кремле, иконостас для церкви Рай-Семеновского, иконостас Пречистенского дворца, фейерверк Ходынского праздника и вид Нового Иерусалима).

Виньетка на полежаевском плане Москвы (изображение полуразрушенной колоннады) также приписывается Казакову. Нужно изумляться, как человек, обремененный строительными делами, поглощенный массой проектов, мог еще находить время для кропотливой работы по офорту.

Учениками Казакова были его помощники, и из них ближайшими были братья Поливановы, Селехов, Родион Родионович Казаков (однофамилец), Ив. Еготов, сыновья Казакова — Василий, Матвей и Павел, Ал. Бакарев, Таманский, Мироновский, Карин.

О самостоятельных работах Поливановых ничего неизвестно. Родион Казаков был крупным архитектором; он начал работу еще в «Экспедиции кремлевского дворца» и стал мастером классицизма, судя по церкви св. Мартина (в Таганке) и зданию Яузской больницы.

Ив. Еготов, верный последователь своего учителя, был классиком и крупным художником, вопреки утверждению А. Бакарева, что Еготов «не умеет взять карандаш в руки». Такие произведения, как фасад достроенного им Военного госпиталя (в Лефортове) или здание Оружейной палаты, позже переделанное, говорят о большом мастерстве. Оба здания — оригинальной архитектуры, нарисованы были прекрасно, все детали проработаны и показывают зрелого мастера.

Селехов был ближайшим помощником Казакова по строительству здания Сената, ведая конструктивной стороной; впоследствии он был строителем Старогостиного двора (на Ильинке) по проекту Кваренги.

Вместе с Селеховым работал и архитектор Карин, ставший впоследствии главным архитектором городской полиции («Казенных домов»).

Сын Казакова Василий Матвеевич умер рано, и архитектурные труды его неизвестны; от сына Матвея Матвеевича сохранился проект Хамовнических казарм, выстроенных после его смерти Таманским.

Алексей Никитич Бакарев был любимым учеником Казакова, оставил ряд любопытных проектов, сработанных в духе «готики» Казакова. Бакарев и Мироновский были единственными учениками Казакова, с увлечением работавшими главным образом в «готике». В духе «готицизма»

составлены были проекты постройки Ивановской колокольни, Троицкой и Никольской башен, Воскресенских ворот. Осуществлен же был только один проект Бакарева — постройка церкви Вознесенского монастыря, где заметно слишком обильное нагромождение готических деталей.

Таманский не проявил себя, как автор каких-либо значительных зданий. Выстроенные им по проекту М. М. Казакова Хамовнические казармы значительно уступают классике Казакова, и в них уже видно, как снижается прекрасное направление нашей архитектуры, данное ей великим зодчим, как тяжелеют грузные массы, как ордер становится бесцветным, вялым придатком, как исчезает красота в здании...

Элементы готики проявил и один из последних учеников Казакова, архитектор И. И. Бове, когда он восстановлял верхнюю башню Никольских ворот Кремля. Но этот ученик был талантливым последователем классики Казакова и отлично усвоил его приемы в обработке фасада домов-особняков, какие он обильно строил, особенно после 1812 г.

Жизненный путь Казакова — это красноречивая летопись вдохновенного искусства, неустанного труда и любви к своему делу.

В эпоху могучего под'ема строительства нашей страны, в эпоху создания советской архитектуры перед нами встала благородная задача: тщательно и всесторонне изучать творчество гениального русского зодчего.

Костюм архитектора XVIII в.

СПИСОК РАБОТ М. Ф. КАЗАКОВА

1. Тверь (Калинин). Планировка города (1763—1765).
2. Тверь. Здание присутственных мест.
3. Тверь. Дворец (перестройка б. архиерейского дома).
4. Тверь. Соборная колокольня. Ремонт.
5. Тверь. Частные дома на Миллионной ул.
6. Тверь. Частные дома на набережной.
7. Тверь. Работы в Жолтиковом монастыре.
8. Москва. Совместные работы с арх. К. И. Бланком (1765—1767).

Москва. 1) Воспитательный дом (Дворец труда). Планировка участка.

9. Фасад и интерьер церкви главного здания.
10. 2) Дворец в Братовщине под Москвой (не существует).
11. Москва. Здание присутственных мест (перестройка).
12. Москва. Ремонт кремлевских зданий.
13. Москва. Шатер для пушек в Кремле.
14. Москва. Кордегардия у колокольни Ивана Великого.
15. Москва. Кремль. Портик Чудова монастыря.
16. Москва. Крыльцо Архангельского собора.
17. Москва. Синодальный дом. Перестройки и новые залы «Мироваренной палаты».
18. Москва. Совместные работы с арх. В. И. Баженовым по проектированию и строению Кремлевского дворца и изготовлению модели (1768—1773).
19. Москва. Пречистенский дворец (1774).
20. Москва. Дом кн. Гагарина (1774—1776) (Петровские ворота).
21. Церковь в усадьбе Рай-Семеновское под Москвой (1774—1783).
22. Москва. Совместные работы с арх. В. И. Баженовым по проектированию и строению «Ходынских» торжественных сооружений. «Азовская зала» и «Галлерея» проектированы и строены М. Ф. Казаковым.
23. Москва. Петровский дворец (1775—1783).
24. Москва. Дом митрополита в Кремле.
25. Москва. Дом Е. Татищева (1776—1778) (Петровский бульвар).
26. Москва. Здание Сената в Кремле (Дом Правительства) (1776—1784).
27. Москва. Церковь Филиппа на 2-й Мещанской (1777).
28. Москва. Екатерининский дворец (консультации и проекты некоторых зал).
29. Москва. Дом И. И. Демидова (Гороховский пер. 4).
30. Москва. Дом кн. Долгорукова-Крымского (1779) (Пушкинская ул.).
31. Москва. Дом Ермолова (ул. Кропоткина, 22).
32. Москва. Набережная р. Москвы (у Кремля) (1781).
33. Церковь в усадьбе Измайловых (Быково под Москвой).
34. Москва. Арсенал в Кремле (ремонтные работы).
35. Поездка в г. Екатеринослав (проекты строительства города и ряда зданий). Проекты для обстройки площади г. Николаева.
36. Москва. Дом дворянства (Дом союзов). Переделка дома кн. Долгорукова (1784).
37. Москва. Дом главнокомандующего на Тверской (здание Моссовета) (1784).
38. Москва. Тюремный замок (здание Бутырской тюрьмы).
39. Москва. Дом Барышникова (ул. Кирова, 42).
40. Церковь в имении Барышникова (Николо-Погорелое).
41. Москва. Здание московского университета (1785).
42. Усадьба Демидовых (Петровское-Алабино), церковь (1785).
43. Усадьба Демидовых (Петровское-Алабино). Дом.
44. Москва. Здание «Нового Комиссариата» (Садовники, строил арх. Н. Легран).
45. Москва. Лобное место (перекладка и облицовка) (1785).
46. Москва. Дом М. П. Губина (Петровка, 25).
47. Царицынский дворец (1786).
48. Дворец в Булатникове, близ Царицына (проекты и начало строительства).
49. Дворец в Конькове, близ Царицына (проекты).
50. Конюшенные дворы, близ Царицына (проекты).
51. Москва. Дом Университетского пансиона на Тверской.
52. Москва. Дом гр. Безбородко в Лефортове.
53. Москва. Лефортовский дворец (пристройки и переделки).

54. Москва. Дом кн. А. В. Куракина на Басманной.
55. Москва. Церковь Вознесения на Гороховом поле.
56. Москва. Церковь Варвары (ул. Разина).
57. Москва. Преображенская богадельня (перестроена) (Преображенская застава).
58. Коломна. Реставрация стен и башен Кремля.
59. Коломна. Архиерейский дом.
60. Коломна. Ограда Брусенского монастыря.
61. Коломна. Церковь Вознесения.
62. Коломна. Ограда Голутвенского Богоявленского монастыря.
63. Коломна. Частные дома.
64. Москва. Дом Калинина и Павлова на Ильинке (не существует).
65. Москва. Дом митрополичьего подворья на Троицкой ул.
66. Калуга. Гостиный двор (проекты).
67. Калуга. Дом дворянства (проекты).
68. Калуга. Планировка города.
69. Калуга. Московская застава.
70. Москва. Церковь Косьмы и Дамиана (ул. Маросейка).
71. Москва. Голицынская (2-я Советская больница (1791). (Б. Калужская ул.).
72. Работы в соборе Нового Иерусалима (на Истре) (1792).
73. Москва. Церковь Иоанна на Земляном валу (1794).
74. Москва. Дом гр. А. К. Разумовского (Институт физкультуры) (Гороховская, 20).
76. Москва. Церковь Даниловского кладбища.
77. Москва. Дом Прозоровского (ул. Горького).
78. Москва. Дом Козицкой (ул. Горького).
79. Москва. Церковь Георгия в Всполье (ул. Герцена).
80. Москва. Дом В. Демидовой (Б. Толмачевский пер., 3).
81. Москва. Дом кн. П. Гагарина у Петровских ворот (клиника 1 МГУ).
82. Москва. Дом Тутолмина (Швивая горка).
83. Москва. Дом Хрущева (Москворецкая ул.).
84. Москва. Дом Пашкова (уг. ул. Герцена и Моховой).
85. Слободской дворец (перестройка д. Безбородко).
86. Москва. Дом Долгорукова (ул. Кропоткина).
87. Москва. Дом Цурикова (Гоголевский бульвар, 4).
88. Москва. Дом Несвицкой (Смоленский бульвар).
89. Москва. Дом Меншикова (ул. Герцена) (перестроен).
90. Москва. Дом Лобанова-Ростовского (ул. Кирова, 47).
91. Москва. Дом Бенкендорфа на Тверской (не существует).
92. Москва. Павловская (6-я Советская) больница (1801—1807) (Даниловская застава).

Кроме того, в шести альбомах Казакова помещены проекты жилых зданий, выстроенных помощниками и учениками Казакова под его наблюдением.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Редактор *И. Г. Сушкевич*
Технический редактор *Н. А. Кирсанова*

* * *

Сдано в набор 1 сентября 1938 г.
Подписано к печати 9 ноября 1938 г.
$70 \times 93^1/_{16}$. $3^1/_2$ п. л. 3,12 учет. авт. л.
В 1 п. л. 38000 зн. Тираж 10000.
Изд. № 198. Зак. № 628
Уполном. Главлита № Б-34301

* * *

Типография изд-ва «Московский рабочий»,
Москва, Петровка, 17.

Цена 1 р. 60 к.